

Ольга Барсукова

Без тепла

повесть

Ольга Барсукова
Без тепла. Повесть

«Издательские решения»

Барсукова О.

Без тепла. Повесть / О. Барсукова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984005-9

Мы бережно храним в памяти воспоминания детства, юности, помним дорогих нам людей. Но если мы не запишем их, они исчезнут вместе с нашим уходом. В повести я поделилась историями из детства, которые рассказала мне мама, и использовала её дневники. Там все её подростковые переживания, значимые события и мечты. Я начала искать ответ на вопрос: почему не сбываются мечты человека, разбиваются его благие намерения? Ответ я нашла. Продолжение в книге «Москва в дыму. 2010-й».

ISBN 978-5-44-984005-9

© Барсукова О.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Последние слова	8
Глава 1. Человек родился во тьму	9
Глава 2. Новая жизнь	12
Первые шаги и слова	13
Глава 4. Переезд в Читу	20
Глава 5. Страхи	22
Глава 6. Свои и чужие	25
Глава 7. Проклятие	29
Глава 8. Новое имя	32
Глава 9. В картошке	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Без тепла Повесть

Ольга Барсукова

© Ольга Барсукова, 2020

ISBN 978-5-4498-4005-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Маленькая сухонькая старушечка сидела в кресле на балконе пятого этажа старого дома довоенной постройки. Краска на стенах местами стёрлась, местами была в подтёках, кое-где совсем отвалилась, оголяя белый кирпич.

Снизу, с земли были видны носки старых валенок, черные рукава ватника и синий старенький платок, скрывающий половину лица. Черты лица невозможно было разглядеть – настолько маленькой и щуплой она казалась. Но, что хорошо было видно снизу – большое дерево, берёзку, росшую прямо из бетонного пола балкона рядом с её креслом.

Лет 15 назад ветер занёс на балкон серёжку берёзы, а одно семечко завалилось в трещину пола, перезимовало там, а весной дало корни и маленький росток. Бабушка заметила его только на второй год, когда росточек стал высотой около 10-и сантиметров. Она очень удивилась, но выдёргивать его не стала.

Так и проводили они с той поры время вместе: бабуля, прутик берёзы и столетник, её любимое растение, которое бабуля выволакивала каждую весну на балкон, разрешая ему греться на солнышке и промываться дождями. Столетнику, наверное, было 100 лет, таким мощным и огромным он был: сантиметров 80 в высоту, с тяжёлыми мясистыми листьями, утыканными острыми колючками по краям. Они не раз цеплялись за бабушкину старую юбку и рвали её, но она не сердилась, а только ворчала:

– Опять дырка! Чё ж ты бабку родную-то не жалеешь!

Зашивать дырки уже не было сил, так и ходила она с обтрёпанным подолом.

Бабуля жила одна в комнате. В других комнатах жили чужие люди, квартира была коммунальная. Дети и внуки приезжали очень редко.

Так проходил год за годом. Бабуля уже много лет была на пенсии.

С весны до осени она либо читала на балконе, либо сидела неподвижно, уставившись в крону огромного тополя, который рос лет 40 напротив балкона, и был выше крыши. Он был в два обхвата в стволе, а в начале июня засыпал бабулин балкон и комнату белым пухом-снегом. Бабуля сначала ворчала, выметая снежные груды, а потом бросила это занятие: под кровать не залезть, спина болит, так что пусть лежит пух!

Вскоре снесли гаражи во дворе, убрали ракушки, стали строить детскую площадку. Тополь к тому времени стал «пылить» ещё больше и его спилили. Теперь бабуле было видно намного больше, и перед балконом стало светло и просторно.

Ей было немного жаль старый тополь, но она понимала, что пух городу совсем не нужен, а к тому же у неё подрастало своё деревце – стройная белая берёзка.

Сначала с земли был виден тоненький ствол высотой до середины перилл, затем крона её достала до верхней части перилл, а как-то в последний год вымахала берёза сильно и раскинула свои веточки, давая тень бабушке в жару.

В то время ЖКХ не очень-то интересовалось, что у нас на балконах растёт, поэтому деревце росло спокойно и быстро.

Как росли корни в бетонном полу, как оно держалось, неизвестно. Может, бабушка его изредка и поливала.

Однажды вечером бабуля, как обычно, вышла на балкон подышать свежим воздухом, села в креслице и ...больше не встала. Соседи с балкона рядом увидели, что бабушка ночью сидит в кресле, позвонили внуку. Он приехал...

Так не стало бабули. Берёзку вырвали с корнем, дыру в бетонном полу залили цементной смесью, столетник выставили на лестничную клетку, где он через месяц засох без полива, а нехитрые бабулины старые пожитки отнесли на помойку. Вскоре комнату отремонтировали и продали другой одинокой больной женщине, о которой тоже можно было написать суровую историю жизни, но...

Так закончилась ещё она жизнь, одна судьба!

– Ничего не обычного! – сказал бы кто-то. – Все умирают!

– Но нет! Это история имеет продолжение, правильнее сказать, начало, причём более интересное, чем видимая жизнь и смерть бабушки.

Последние слова

Отмотаем немного назад, до того последнего её дня, часа на 4, когда ещё она сидела живая в своём креслице на балконе.

– Ну, вот, – услышала она голос, – Теперь я улечу от тебя! Мне так надоело жить в этом тесном теле, к тому же стареньком и больном! Наконец-то я улечу на небо!

Бабушка знала, чей это голос. Это был голос Ангела, который всю жизнь жил у неё внутри. Он был похож на маленькую светленькую девочку. Она видела его своим внутренним взором, говорила с ним и очень любила его.

Как-будто она жила одновременно двумя параллельными жизнями сразу: в физическом теле, делая обычные будничные дела, уставая и старея, и в другие часы она наслаждалась внутренней гармонией и покоем, порхала в духовном мире, ощущая себя лёгкой и невесомой пушинкой.

Её тело было «тюрьмой» для прекрасной души – прекрасного Ангела.

В физическом плане она не выглядела счастливой и здоровой: тело предательски подвело, дряхлая с каждым годом, а душа-девчушка внутри пела, веселилась и скакала в «тёмной тесной комнатёнке» – её теле, и чувствуя себя неуютно, всегда хотела вырваться на свободу.

Бабуля тоже знала, что когда-нибудь её Ангелочек вылетит из тела и уйдёт к Отцу! Эти мысли не приносили ей ни беспокойства, ни тревоги. Это было правильно и хорошо.

Там, на свободе в небе её Ангелочку будет легко и просторно. И этот Ангелочек – она сама, её душа, её жизнь! Что держаться за брренное тело?

– Да, хорошо! – сказала старушка. – Дожилась! Сил нет больше жить! Я тоже хочу к Отцу!

– Ну, вот и договорились! – скал Ангел. – Я пошёл!

Бабушка вдохнула в последний раз и замерла.

– Это всё? Конец истории? – спросите вы.

– Нет, это только начало жизнеописания моей мамы а я, как её дочь, могу рассказать очень занимательную и удивительную историю.

Глава 1. Человек родился во тьму

Тёмным вечером ноября 1955 года к фельдшерскому пункту в шахтёрском посёлке Черновские Копи в забайкальской степи подъехал грузовик. Из кабины суетливо выскочил молодой статный мужчина в длинном чёрном пальто и каракулевой шапке-ушанке. Он протянул руку женщине, помогая вылезти из кабины. Светловолосая женщина, скорчившись от боли осторожно опустила ноги с подножки машины. Серое драповое пальтишко только наполовину прикрывало её огромный живот.

– Не спеши, Нина, потихоньку! – говорил мужчина, крепко поддерживая её за локоть. – Держись за меня!

Она спустилась на землю и согнулась от боли. Схватки начались ещё дома, в Кеноне, в маленьком рабочем посёлке, где была размещена воинская часть, в которой её муж служил писарем и бухгалтером при штабе.

Вокруг была кромешная тьма и холод. Была середина ноября, и холодный ветер раздувал полы её тонкого пальтишка. Одинокий фонарь тускло светил возле крылечка деревянного домика – местной больницы. Они взошли на крыльцо и постучали в дверь.

Сонная старушка в телогрейке открыла дверь:

– Ну, что роженицу привезли? – спросила она. – Заходите. Дочка, сюда, на лавку садись, раздевайся. У нас тут тепло. Печку протопили!

Нянечка указала на длинную лавку у стены коридора. В соседней комнатке тоже было полутемно.

– Доктора разбужу покамест, – сказала она. – А вы, муж идите, идите.

Женщина растерянно взглянула на мужа. Ей было страшно оставаться одной в незнакомом месте ночью. Боль всё больше охватывала тело, как-будто разрезала живот. Она застонала.

– Иди, Георгий. Я как-нибудь...

– Держись. Я завтра приеду. Здесь и телефона-то нет... узнать.

– Иди... иди.

Процедуры подготовки к родам прошли, как в тумане. Часа через два, когда схватки стали нестерпимыми, врач – высокая крупная женщина в годах, велела ей лечь на «родовой стол» – широкую лавку, застелённую белой простыней, и тужиться.

– Тужься сильнее! Щеки-то не надувай. Вниз дави, вниз! – равнодушным голосом командовала она.

Нина была худенькая и слабая. У неё кружилась голова, перед глазами плыли чёрные круги, и не было сил тужиться и шевелиться.

Видя её слабость, акушерка сложила руки вместе, положила свои предплечья под грудь женщине, туда, где начинался живот и с силой легла всем телом на руки. От тяжести веса Нина напряглась, сопротивляясь давлению, и что-то тёплое и большое проскользнуло у неё между ног и плюхнулось в лоток на лавке, а ноги обдала тёплая волна крови и стала наполнять лоток.

Нина уже ничего чувствовала. Ей казалось, что она провалилась в большую чёрную яму с вязкой грязью, тёмную и страшную, ещё темнее, чем этот забытый Богом посёлок в холодной забайкальской степи. Она барахтается в этой грязи и не может вылезти. Становилось холодно и страшно.

– Эй, не спи! Очнись. Дочка у тебя! – услышала она голос акушерки. – Да хорошенькая какая! Беленькая, ну, чистый Ангел!

Нина открыла глаза. Боль постепенно уходила из тела, и хотя начался озноб, ей стало легче. Теплая волна крови продолжала наполнять поддон.

– Кровотечение остановлено! – услышала она голос акушерки. – Пусть здесь полежит, а потом в койку переложим.

Нина не слышала плача ребёнка, а только какое-то покашливание и сопение.

– Жива дёвчока-то. Не плачет, отфыркивается. Мудрёно дело – на свет родиться! – сказала нянечка. – Ишь, Ангелочек ясенький!

Она обмыла девочку под рукомойником, свернула треугольником подгузник из нескольких слоёв марли, запеленала её в байковое клетчатое одеяльце. Помещение отапливалось большой русской печью, и от её стенок шло приятное тепло.

– Мать, как дочку-то назовёшь?

– Ольгой, – ответила Нина.

– Ольга? Хельга по скандинавски значит «Святая»! Эх, куда замахнулись!

Но Нине было не до размышлений. Слабость охватила тело. К тому же было 4 утра, а в это раннее время самый приятный сон, и она задремала.

– Вот говорят: «Ребёнок на свет родился!» – продолжала рассуждать нянечка, как бы сама с собой, – А какой вам тут свет? Тьма-тьмущая!

И рассветёт-то не лучше будет! Ноябрь, холод да ветер! Бедная дитя! Ничего хорошего не увидит!

Если бы Нина понимала тогда, она бы возмутилась:

– Ну, что вы такое пророчите! Всё хорошо будет, солнечно, ясно!

Девочка ни в чём нуждаться не будет, мы уж постараемся. Первый офицерский ребёнок! Вырастим здоровую и сильную! ...И талантливую! – хотела бы возразить Нина.

Но она провалилась в полу-дрёму, а поэтому напутственных слов ПРОКЛЯТИЯ нянечки не слышала.

А слова, сказанные в час рождения, сбываются!!!

Утром нянечка подошла у Нине.

– Ну, как ты, дочка?

Нина открыла глаза. Немного болела поясница, ног не чувствовала, голова кружилась.

– Да ничего. Слабость ещё есть.

– Ну, конечно, кровящи-то пол-ведра потеряла. Хорошо, акушерка опытная, а то бы с ангелами на небесах вчера встретила!

Нина ничего не поняла, но стала вслушиваться.

– Ангелы-то Богу служат. Сотворённые они, пола не имеют. Бог-то их шлёт на землю, нам грешникам помочь. Вот и тебе Ангелочка послал, знает, видно, что судьба у тебя будет трудная. Болеть всю жизнь будешь.

Это было второе ПРОКЛЯТИЕ. У Нины потемнело в глазах, и она потеряла сознание.

– Эй, – закричала нянечка, – роженице плохо!

Прибежавшая акушерка поднесла к её носу ватку с нашатырным спиртом, и Нина очнулась.

– Ишь, хлипкая какая! – сказала нянечка. – Выкарабкается или нет? Неизвестно!

Третье ПРОКЛЯТИЕ Нина услышала. Она не знала о силе воздействия слов, мало разбиралась в религиозных и магических вопросах, но здесь она мысленно отреклась от этих слов:

– Не принимаю, не верю! Жить долго буду!

Это и спасло ей жизнь.

– Не местные вы, видно. Откуда вы? – снова заговорила словоохотливая нянечка.

– Из Читы мы. Замуж вышла два года назад, за мужем уехала в Кенон.

– Да, тёмное место. Как жить-то будете?

– А мы хорошо живём! – оптимистично начала Нина. – Барак у нас светлый, тёплый. Муж мебель сам делает, паёк офицерский ему выдают, я сама шью что надо! – Нина старалась говорить убедительно, чтоб нянечка опять не прорекла что-нибудь плохое. – Мы ни в чём не нуждаемся!

– Ну, хорошо, коли так. Значит, вырастите Ангелочка-то.

Глава 2. Новая жизнь

Нину выписали домой из роддома на десятый день. Георгий приезжал каждый день, хотя посёлок Кенон находился в сорока километрах от больницы, топтался у окна на ноябрьском пронизывающем ветру, передавал нянечке продукты для жены, которые были в офицерском пайке: солёную красную рыбу, печенье, сгущенку, сухофрукты, конфеты. Она очень хотела молока, но и это он достал с трудностями и привёз.

Нина тяжело восстанавливалась после тяжёлых родов: большая потеря крови, разрывы, слабость. Одна теперь радость была у неё – дочка Олечка.

Ещё более счастлив был Георгий. Это маленькое тёплое чудо, так внезапно свалившееся на них в трудное послевоенное время, принесло ощущение семейности, уюта. Это то, о чём мечтал солдат на войне: вернуться домой, в семью, к жене, к детишкам. Это то, ради чего он воевал он: защитить и вырастить их.

И вот теперь в мирной жизни радостное событие – появление дочери! Жизнь для него заиграла новыми радостными красками.

К рождению дочки Георгий сделал детскую кроватку на гнутых полозьях, чтобы её можно было качать, детский стульчик со столешницей, высокий, устойчивый, на крепких ножках, и детскую колясочку: деревянный ящик на колёсиках с резными боковыми стенками. Мать нашла из байки пелёнки, распашонки, купила в сельпо детское одеяльце. Одно одеяльце, яркое, лоскутное, простегала мать Нины, Фекла Петровна, которая сыграла не последнюю роль в жизни маленькой девочки.

Колясочка и стульчик потом очень пригодились в жизни.

Первые шаги и слова

Ольга росла быстро, не доставляя родителям больших проблем. Ночью не плакала, спала крепко и спокойно, а днём хорошо сосала грудь матери, и тут же засыпала, улыбаясь во сне.

Мать успевала сделать все дела по дому, хлопотала и пела. Если Ольга не спала, то видно было, что она прислушивается к голосу матери, водит глазками по сторонам и радостно дрыгает ножками. При этом её беззубый рот растягивается в довольной улыбке.

– Певицей будет! – думала мать. – Мне не удалось, так пусть хоть она-то будет успешной. (Это было благословение, а материнское благословение сильно и сбывается.)

Соседи по бараку удивлялись:

– Нин, у тебя всегда тихо в комнате. Где девчонка-то твоя?

– Да спит она! – отвечала мать.

– Вот умница! Чистый Ангел! – удивлялись они.

А поскольку все вокруг были неверующие, то Ангела представляли себе, как сказочного персонажа.

Когда Нина выносила дочку в одеяльце на крыльцо, соседи заглядывали под уголок и говорили:

– Смотри-ка, какая беленькая! Просто удивительно!

Ольге 8 месяцев. 1956 год

Первое слово у неё тоже было необычное.

Как-то принесла Нина девятимесячную дочку к врачу на осмотр. Когда они вошли в маленький тесный медицинский кабинет, врач осмотрела девочку, послушала, спросила, как она ест и спит. Пока Нина рассказывала, Ольга сползла на пол и побежала. Врач остолбенела:

– Она у вас ходит в 9 месяцев? ... И бегаёт?

Нина рассказала, что пошла дочь тоже рано – в 9 месяцев сделала свои первые шаги.

Она оставила её на минуту на полу, держащуюся за кровать, и отошла к печке. Поворачивается, а Ольга стоит рядом, покачиваясь! Нина обомлела. Девочка схватилась за материн подол, а то бы плюхнулась на пол. Врач сидела удивлённая и растерянная.

– Гад, гад! – вдруг закричала Ольга.

– Она ещё и говорит? А что это она говорит?

– Да, она и сама не знает. Лопочет просто! – поспешила ответить Нина.

Ей стыдно было признаться, что это её «ругательное» слово, которое часто вырывалось у неё, когда она что-то роняла, разбивала или стучалась о косяки тесных дверей. Часто ещё выскакивало у матери слово «гадство», дочка тоже, вероятно, запомнила его, но выговорить бы не смогла.

Мать покраснела. Она видела, что дочери передавались её собственные черты характера: раздражительность, вспыльчивость, ворчливость, но задержать или исправить этот процесс она не могла. Начинать надо было с самой себя, но она этого не осознавала.

– Гад, гад! Кричала девочка, колотя ручками по столу и счастливо смеясь.

– Иди сюда! – мать впервые дернула её за руку. – Замолчи!

Она схватила её в охапку и выскочила из кабинета, красная и рассерженная. Она торопливо одела её в коричневое бархатное пальтишко, повязала ей на голову тёплый пуховый платок, сама кое-как сунула руки в рукава пальто и выскочила на крыльцо.

– Вот опозорились, так опозорились! – сама себе тихо говорила Нина. – Что теперь офицерские жёны говорить станут? Нинка, мол, девчонку плохим словам научила!

Ей было очень стыдно. Она прикусила губы и молчала всю дорогу, пока несла дочку на руках до дома. Ольга, видя, что мать сердится, притихла и не лепетала.

Очень любила Ольга слушать книжки. Мать читала ей и днём, и вечером перед сном с шести месяцев, так что в 9 месяцев Ольга вдруг стала повторять за ней сначала отдельные слова на своём детском языке, а потом и фразы сказок Корнея Чуковского «Муха-цокотуха» и «Доктор Айболит».

Радости родителей не было предела. Они показывали при случае Ольгу соседям, просили её рассказать им сказочку. Когда она легко и весело «декламировала» пол-книги, они начинали смеяться и восторгаться её памятью и способностями:

– Как десятимесячный ребёнок может рассказывать сказки наизусть?

Это было загадкой! Хоть не все слова могла она выговорить, но всё было понятно!

Смысл слова «гад» Ольга поняла через три десятка лет, когда старенькая мама начала вспоминать и рассказывать её истории из её детства. Теперь она хохотала, вспоминая случай в кабинете врача:

– Представляешь, ты бегаешь малюсенькая и кричишь:

– Гад, гад!

А врач глаза вылупила:

– Что это девочка ваша говорит?

А это я так ругалась, когда всё из рук валилось, а ты повторила. Вот смех и грех!

Нина продолжала хохотать, находя теперь этот случай более смешным, чем стыдным.

Ольга задумалась:

- Смешного мало! – только она вдруг сообразила:
  - «Гад» по-английски значит – Бог! Значит, я звала Бога?
- Потрясающе!

Это ей понравилось. К тому же, её инициалы – первые буквы фамилии, отчества и имени были – Б. О. Г. Тоже Бог. Это что-то значило, только не пришло время всё это ей узнать.

Как только девочка открывала глаза, она говорила:

- А Оля встала!

Мать и отец улыбались. Почему так она говорила о себе?

- А Оля хочет кушать.

Мать стала учить её говорить:

- Надо говорить: Я хочу кушать.
- Ты хочешь кушать? – спросила дочка.
- Нет, не я, а ты хочешь кушать!
- Ты не хочешь кушать? А Оля хочет кушать!

Ничего не сумев объяснить, мать засмеялась и перестала переучивать её. До 4-х лет девочка таким образом сообщала свои желания, что вызывало у всех улыбки и смех.

ольге 2 года

Пока она маленькой девчужкой-веселушкой весело проводила свои детские дни в играх, в познании окружающего мира и себя. Самое интересное – «помогать» отцу. Она запомнила, как входила в большую комнату, отведённую под столярную мастерскую, где стоял верстак, а на полках лежали разные инструменты.

Отец давал ей в руки эти удивительные штуковины, называл их и рассказывал, что ими можно делать, как работать. В 4 года она запомнила, и сама могла рассказать, например, чем плоскогубцы отличаются от кусачек, где лежит фомка, как вставляется нож в рубанок, что такое «струбцины».

Отец любил и умел делать мебель. После работы или рано утром он всегда что-нибудь мастерил: то ставил кожаную заплатку на её дырявые валенки, то забивал гвоздики в материн стоптанный каблук, то подшивал на швейной машинке потёртые рукава военной формы.

Обычно Ольга топталась рядом, с интересом следя за всеми его движениями. Отец рассказывал, для чего нужна дратва, зачем натирать воском толстую нить, как пользоваться шилом. Все эти знания оседали в её умненькой головке и пригодились в дальнейшей её жизни, так как от бедности и скудности этой жизни, ей приходилось потом использовать все эти знания и навыки. Она была благодарна отцу за всё, что он передал ей в детстве, в таком юном возрасте.

В комнате стоял собственноручно сделанный им шкаф, огромный, трёхстворчатый, с зеркалом посередине, покрашенный коричневой краской с бледными разводами под узор древесины.

На противоположной стороне комнаты стоял комод с тремя большими выдвижными ящиками. Передние стенки ящиков были выгнутой формы, поэтому он выглядел богатым и добротным. Этажерка с книгами казалась стройной и легкой, хотя тумбочка под ней была крепкая и массивная.

Обеденный стол в середине комнаты, им же изготовленный, был накрыт скатертью с розами, вышитыми матерью. Венские стулья были покупные. У отца не было подходящей древесины сделать такие же. Комната была чистая, светлая, просторная.

Ольга очень любила копаться в стружках под отцовским верстаком. Когда он проводил со скрипом рубанком по доске, золотые кольца падали на пол, на Ольгу, а она играла ими, раскручивая и скручивая, закапывалась в них, вдыхая смоляной запах, потом с визгом вылезая.

Отец не ругал её за шум, занимаясь своим делом. В конце работы она помогала отцу собирать стружки в холщовый мешок, и они относили его на огород или в курятник.

Отец никогда не сюсюкал с дочкой, а разговаривал серьёзно, как со взрослой, все объяснял. Поэтому Ольге так нравилось пилить, строгать, заколачивать гвозди, пока просто учась и играя.

Милее ребенка невозможно было найти во всём посёлке: круглолицая, розовощёкая, упитанная девчушка двух лет вызывала улыбки окружающих. Отец с удовольствием носил её по поселку на руках, направляясь по своим делам: то в штаб воинской части, где служил писарем и бухгалтером, то на почту, то в сельмаг.

По дороге, если был в форме, отдавал честь офицерам старшим по званию. Ольга тоже прикладывала ладошку к виску, отдавая честь. Тогда даже офицеры начинали смяться, а отец говорил:

– К пустой голове руку не прикладывают.

Ольга не понимала, но видела, что всем смешно, и смеялась тоже.

Гражданским при встрече Георгий подавал руку, и Ольга тянула им свою ладошку для рукопожатия и говорила:

– Дратути!

Так целый день она здоровалась с офицерами, солдатами, командировочными, подражая отцу.

Однажды отец ушёл в штаб, а мать попросила Ольгу подождать её на крыльце дома, пока она вынесет белье для сушки во дворе. Недалеко от дома стоял старенький военный грузовик. Из-под машины торчали кирзовые сапоги водителя.

Ольга обошла несколько раз вокруг грузовика, не понимая, почему дядя валяется на земле, заглянула под кузов, полезла туда, пригнув кудрявую головку.

– Девочка, ты куда лезешь? – испугался шофер

– Тачу!

– Что тачу?

– Тачу!

– Ничего не тащи, вылезай отсюда! Ты мне мешаешь!

– Не тачу!

– Вот и не тащи, а вылезай!

– Тему?

Водитель разозлился и громко закричал:

– Женщины, чей ребёнок? Под машину ко мне залез!

Нина выскочила на крыльцо с тазом мокрого белья.

– Ольга, вылезай сейчас же! Не мешай дяде!

Она наклонилась до земли, заглядывая под грузовик. Ольга сидела на коленях возле водителя.

– Тему?

– Иди сюда! Дядя работает.

– Тему?

– Ох, – крикнул водитель, – что это за ребёнок? Что это она всё время говорит «тему» и «тачу»?

– «Тему» это «почему», а «тачу» обозначает «хочу».

– Да, – он стёр пот с лица, – любознательная девочка. А чья она будет то?

– Я мамина и папина, – гордо ответила Ольга.

– Федора Георгиевича дочка.

– Горгий фёдорч и Нина Спановна, – повторила радостно девочка.

– А, знаю, – уважительно отозвался водитель, – Значит, и дочка такая трудолюбивая будет, как и её отец.

Эти слова были приятны Нине, и она сказала:

– Вы уж извините её, любопытная она очень, любознательная. Она у нас «Муху-цоко-туху» и «Доктора Айболита» наизусть знает!

– Да, смышленная какая! Ну и дети пошли!

Шофер удивлённо махнул рукой и полез под машину.

Нина взяла таз на одно бедро, дочку за руку и пошла в дальний угол двора, где были привязаны бельевые верёвки. Она развешивала постиранное бельё, а Ольга подавала и приговаривала:

– Мама, папа, Оли.

– Умница ты моя, – умиленно говорила мать, – Ангелочек ты мой светлый!

Жизнерадостность и веселье исходили от неё. Во всех играх, делах, в помощи матери она находила удовольствие.

Как-то раз осенью она одела Ольгу для прогулки на улице, велела выйти на крыльцо и подождать, пока она наденет пальто. Нина заглянула на кухню. Там в большом медном тазу закипало варенье из ранеток, которые мать передала им из Читы. Коричневая пенка поднималась выше краёв таза. Нина убавила огонь в фитиле керосинки, помешала варенье деревянной ложкой, попробовала. Знакомый и любимый с детства вкус! Минут через десять она стала надевать пальто.

На пороге коридора она столкнулась с Ольгой, которая вела в дом незнакомого мужчину в гражданской одежде.

– Мама, к нам готи! – радостно сказала Ольга.

– Гости? – растерянно переспросила Нина. – Ну, проходите, садитесь.

Ольга стала тащить незнакомца в комнату:

– Дядя, иди, будем сяй пить.

Мать смущённо теребила платье.

– Понимаете, я командировочный, в штаб приехал, а девочка на улице ко мне подбежала, поздоровалась, в гости позвала. По дороге она мне рассказала, что отца зовут Георгий Фёдорович, а вас – Нина Степановна, и что отец в штабе работает.

– Так вам в штаб надо? – догадалась Нина. – Мы вам с дочкой проводим! Чаю хотите?

– Извините, я спешу.

– Ольга, покажем дяде, где штаб?

– А сяй? – спросила она растерянно.

– Чай потом.

Они вышли на крыльцо и показали, в какой стороне находится штаб.

– Олечка, нельзя незнакомых людей в дом приводить!

– Дядю наю. Пася.

– Не знаешь! Паша – незнакомый человек.

– Наю, наю! – твердила Ольга.

– Ну, ладно, пойдём до почты дойдём.

На почте все знали Ольгу и любили. Она весело бегала от стола к столу, со всеми здоровалась за руку, открыто улыбалась.

Кто-то совал ей конфетку, кто-то гладил по головке.

– Ангелочек наш пришёл! – говорили женщины, – Поди, опять за книжкой новой пришла? Ты их уже наизусть все знаешь! Нина, вот здесь книгу стихов Маршака привезли. Будешь брать?

Нина всегда покупала для Ольги красивые, яркие книги. Они стоили дорого, но Нина денег не жалела.

– Чудная у тебя дочка! – говорили все улыбаясь, – Ангелочек!

Нина была счастлива! Она так давно, ещё с войны, мечтала о своём тихом семейном счастье, о своём доме, о ребёнке. И вот всё есть!

Кончилась страшная война, голод, разруха. Потихоньку страна восстанавливалась. Здесь, в Забайкалье, было спокойнее, чем на западе страны, где ещё только начинали восстанавливать разбомбленные города, бывшие под немецкой оккупацией, дороги и колхозы.

Оленька – свет в окошке, самая красивая, умная, здоровенькая!

Мать шила ей красивые платица: шёлковые с оборочками на кокетках, с вышивками на подолах, байковые и бархатные на зиму.

В светлые русые волосики она вплетала атласную ленточку. Отец занимался фотографией и каждый день фотографировал маленькую дочку, любуясь ею и радуясь её развитию и успехам.

Глава 4. Переезд в Читу

Произошли так же события, которые повлияли на счастливое и беззаботное детство Ольги: отца перевели на работу в город Читу.

Им обещали выделить комнату в новом доме в центре Читы, но в ожидании её им пока пришлось жить полгода в доме матери Нины, Фёклы Петровны.

Конечно, это было неудобно и тесно: у одной стены большой комнаты за резной деревянной ширмой стояла бабушкина железная кровать с шишечками на спинке, со старой периной, с грудой пуховых подушек на вышитом толстом покрывале; у другой стены также за другой ширмой поставили солдатскую койку для Нины и Георгия и детскую кроватки Ольги.

Ночью было слышно каждый вздох, сопение домочадцев, ворчание бабушки из-за бесоницы, шевеление маленькой девочки, бесшумные шаги Нины, укрывающую разметавшееся тельце. Он тихо «шикала» и снова засыпала тревожным сном.

В соседней маленькой комнатушке со шторой вместо двери жила её сестра Лора и средняя сестра Нэля.

Нина знала характер матери, суровый и требовательный, и боялась за дочь: как мать будет обращаться с малюткой? Нина любила девочку и оберегала её от всех тягот. Надо как-то было уживаться и приспособливаться в ожидание обещанного жилья.

Неприятности, конечно, последовали сразу.

Однажды Нина вернулась с работы поздно и с порога услышала громкий плач дочери. Красная и заплаканная двухлетняя Ольга тянула руки к окну и захлёбываясь в слезах кричала:

– Уна, уна!

Потная и растерянная Лора еле держала на руках тяжёлую извивающуюся Ольгу и говорила:

– Ну, что ты кричишь? Не пойму я! Ну, хочешь молочка?

Ольга кричала ещё сильнее, требуя «уну».

Бабушка бросилась к Нине:

– Нинка, умири её! Час орёт, требует «уну». А что это и где её взять, не пойму.

Нина схватила заплаканную дочь на руки:

– Да это она луну хочет посмотреть! Я её дома перед сном к окошку подносила, луну показывала, песенку пела. Она успокаивалась и сразу засыпала. А сейчас уж 2 часа, как она должна спать, а она кричит!

– Мы твоим тонкостям не обучены. Ну, пусть замолчит.

– Мама, ставни-то закрыты, она луну не видит, – стараясь говорить громче, чтоб перекричать дочь, сказала Нина.

– Ох, ты Боже светы! – запричитала бабка – Лорка, иди ставни открой! Это на ночь глядя! Ой, горюшко наше!

Лора, накинув на плечи шальку, выскочила в сенцы, пробежала через двор, отворила массивную высокую калитку, проскочила в полисадник, вытащила втулки от ставня и распахнула их. В окошке показалось заплаканное отёкшее лицо Ольги. Она всмотрелась в небо и радостно засмеялась, показывая пальчиком:

– Уна, уна!

Вскоре счастливая и спокойная, она уснула на руках матери.

– Сильно балуешь её, Нинка, – тихо ворчала бабушка. – Ишь, что попросит, то даёт. Смотри, намаешься с ней!

– Ну, мама, – уважительно отвечала Нина, – у меня много не было, так у неё пусть всё будет. Да пустяк ведь: ребёнок луну захотел увидеть.

– Конечно, вы войну пережили, голодали, а у неё то всё есть! Вроде, всё просто, только своего добивается любыми силами. Волевой характер будет, не справитесь!

– Да пока, вроде, послушная, весёлая, бойкая!

– Смотрите, беду накличет.

Казалось, всё на свете радовало Ольгу. Открытые светлые глазки смотрели на всё с интересом и любовью. Яркие цветочки приводили девочку в восторг, пестрые лоскутки из бабушкиных сундуков удивляли её своим разноцветьем, и она надолго замолкала, перебирая их, находя гармонию в игре цветов и фактур.

Тогда бабушка спокойно оставляла её одну в комнате и бежала в сарай доить коз или кормить кур. Если девочка не играла лоскуточками, бабушка вынуждена была таскать её повсюду за собой, да и внучка поначалу стремилась «помогать» ей во всех делах по хозяйству. Но часто она больше мешала и надоедала своими вопросами «тему», поэтому бабушка снова доставала ей какие-нибудь диковинки из своего сундука, и Ольга надолго замолкала, сидя на одеяле на полу комнаты.

Глава 5. Страхи

Мать с радостью ждала окончание рабочего дня, чтобы увидеть дочурку.

Но каждый день приносил какие-нибудь неприятности.

Раньше, когда они жили в Кадале, а потом в Кеноне, все дни приносили счастье: Олечка росла не по дням, а по часам, говорила новые слова, делала свои маленькие открытия, от которых Нина приходила в восторг.

Теперь каждый день приносил огорчения: бабушка каждый день жаловалась на внучку, рассказывала о её «проказах».

Раньше это называлось «познание мира», а бабушка называла то же самое «баловством» и «проказами». Ей совсем не нравились весёлость и подвижность Ольги.

Чтобы как-то усмирить внучку, она сказала ей вечером:

– Спать не будешь, тебя бабайка заберёт.

– Кто этя?

Бабайка страшный! Вон там он, в тёмном углу. Тебя утащит.

Ольга притихла, стала всматриваться в угол.

Желтая лампочка на проводе освещала светлый круг на полу, а темнота в углах казалась зловещей и страшной.

Реакция Ольги оказалась противоположной ожиданию бабушки. Она не испугалась. Девочка села на кровати и уставилась в темноту.

Бабушка зашипела на неё:

– Быстро спать ложись! Пора уже.

– Неть.

– Ложись, я сказала.

– Неть!

– Почему?

– Бабайка там. Буду с ним играть.

– Да, нет там никого!

– Бабайку дай! – заплакала Ольга, – бабайку тачу!

– Лорка, – взвизгнула бабка, – иди Ольгу укачай, у меня сил больше нет.

Лора качала девочку несколько часов, а та смотрела в потолок широко открытыми глазами, ловя тени на нём. Промучившись долгое время, Лора задремала на краю подушки.

Когда Нина пришла домой, её встретила напряжённая тишина. Бабушка тихо сопела за ширмой, Лора спала, держась за край кровати, а дочка лежала уставившись в потолок.

– Олечка, что ты не спишь? Ночь уже. Видишь, все спят?

– К бабайке хочу.

– К какому бабайке?

– Там он, – показала Ольга пальчиком в тёмный угол.

– Нет там никого, спи, – сказала Нина спокойно

– Неть. Там бабайка.

Пока Нина умывалась, быстро ела, Ольга молча сидела на кровати и смотрела в темный угол.

Бабушка заворочалась за ширмой, встала, пошла кряхтя в сени.

– Мама, почему Ольга спать не хочет? Что это она всё твердит «бабайка, бабайка»?

– Да, я ей сказала, что бабайка заберёт.

– Напугали её?

– Ничего страшного! Я сказала, чтоб успокоить её, а то скакала весь день. Голова от неё кругом идёт!

Нина огорчилась. Она была против запугивания, криков, наказаний девочки и думала, что всё легко и просто будет с воспитанием дочки.

Но она была настолько усталая, что не могла что-то доказывать матери, да и побоялась бы с ней спорить.

Она взяла дочку себе в постель, обняла и сразу уснула.

Нина проснулась среди ночи от какой-то тревоги. Она приподнялась, пощупала рукой место рядом с собой – дочки не было. Через плотно закрытые ставни лунный свет пробивался узенькой полоской. Нина в страхе стала всматриваться в темноту. Ольга стояла в тёмном углу лицом к стене.

– Олечка, иди сюда! Что ты?

Девочка не шевельнулась.

Нина тихо подошла к ней, и чтобы не испугать, прикоснулась к дочери.

От прикосновения Ольга вздрогнула и начала валиться на бок. Нина подхватила её на руки и увидела, что она спит.

Мать осторожно положила девочку на кровать. В голове у Нины поселился жуткий страх: что случилось с её светлой девочкой?

Что она теперь будет делать? Как оставит её хоть на одну минутку одну или с бабушкой?

Всю ночь просидела Нина у кровати дочери, а утром с чёрными кругами под глазами, сонная и усталая, пришла на работу. Удивлённые сотрудники спрашивали, что с ней.

– Бабайку гоняла – честно ответила Нина.

Все смеялись, но страх и горечь не уходили.

Глаз да глаз нужен был теперь за странной девочкой. Не угадаешь, что может произойти с ней.

Нина слышала страшные истории про лунатиков, о которых все любили рассказывать. Она совсем не ждала такой судьбы для своей дочери: постоянный страх, опека, врачи, больницы...

Да и смогут ли они помочь?

Ребёнок мог выйти во двор, на улицу, уйти в лес, спрыгнуть с крыши...

Одно видение было страшнее другого, но...

Ангел... Он знал. Ольга не должна была погибнуть!

Он провёл ладонью вдоль «стен» своей тесной коморки, что-то связал в узел и взмахнул рукой. Это он связал страх крепким узлом и выбросил его.

Ольга закашлялась во сне. Мать проснулась:

– Олечка, ты заболела?

Ольга улыбнулась во весь рот:

– Оля хочет кушать!

Слёзы потекли из глаз Нины: всё прошло, дочка здорова!

На работу шла она спокойно, только попросила мать больше не пугать Ольгу бабайкой. Ворча и охая, бабушка согласилась. Она видела, как несколько дней мучилась Нина, как страдала внучка, и ей совсем не хотелось мучиться с ними.

– Ладно, не буду. Только Лору попроси её укачивать. Я не могу, устаю сильно.

Ещё несколько раз проскакивало у домочадцев страшное слово «бабайка». Тогда все начинали шипеть на говорящего, показывая на Ольгу пальцем, махали руками и закатывали глаза. Девочка настораживалась, оглядывалась по сторонам, смотрела в угол, но не со страхом, а с любопытством. Страх приходил к ней ещё несколько раз, но уже на новой квартире, а от бабайки спас её Ангел.

Глава 6. Свои и чужие

Мать и не догадывалась, что время, проведённое с бабушкой, испортит дочку, пагубно повлияет на всю её жизнь. Один случай был доказательством.

Обычно бабушка одна ходила на барахолку, но Ольгу оставить было не с кем, и она повела её с собой. Выход за ворота дома был радостным событием для девочки, новым миром, с которым надо было познакомиться, рассмотреть, узнать и принять.

А барахолка в этом отношении была центром круговорота людей, вещей, красок, запахов и звуков.

Пройдя через несколько улиц, они оказались в шумной бурлящей толпе. Ольга растерялась: она никогда не видела так много людей, не слышала одновременно крики десятков людей, предлагающих свои товары. Обычно девочка улыбалась каждому встречному, тянула для рукопожатия пухлую ручку и дружелюбно говорила «дратути».

Ольге 2, 4 года

Бабушка шла быстро и Ольга не успевала здороваться с людьми, как учила мама. Она пыталась улыбаться всем, ища ответной улыбки, но люди быстро проходили мимо. Ей хотелось остановиться у каждого прилавка и рассмотреть эти интересные вещицы, разложенные пёстрыми кучами.

Только один раз Ольге удалось протянуть руку незнакомой женщине и улыбнуться.

Бабушка одёрнула её:

– Ты что? Быстро иди!

Женщина удивлённо посмотрела на бабушку.

– Идём, идём, – потащила она Ольгу, – с чужими здороваться нельзя.

– Тему?

– Чужие! Не наши!

Эти слова воздействовали на Ольгу как ушат холодной воды. Она оглянулась вокруг:

– Все не наши?

– ВСЕ!

«Чужие» «враждебные» люди сновали туда-сюда. Во взгляде Ольги проскользнули недоверие и неприязнь. Бабушка это заметила:

– Вот и хорошо. Никому не говори, как тебя зовут, где ты живёшь.

– Все чужие, – повторила девочка.

Она верила бабушке, ведь она была взрослая и всё знала. Все домочадцы слушались её и верили её словам.

Бабушка, не замечая растерянности внучки, тащила её вперед, привычными шагами пробиралась сквозь людской поток, кивая на ходу знакомым.

Она хотела купить платье для Лоры, которая этой весной заканчивала школу. Вдоль дальнего забора на длинных верёвках болтались на лёгком ветерочке разноцветные платья. Бабушка остановилась, стала рассматривать, щупать их, спрашивать у торговки цену. Ольга с восторгом рассматривала буйство красок и цветов. Наконец, два раза обойдя все ряды, бабушка в раздумье остановилась и задумчиво сказала:

– Вот, всё обошли. Что же купить?

– Этя! – ткнула Ольга пальцем в светло-зелёное шёлковое платье с маленькими розовыми розочками.

Бабушка с удивлением взглянула на неё:

– Что? Нравится тебе? А Лоре понравится?

– Этя!

Бабушка пощупала ткань платья: натуральный шёлк из Китая. Кокконы шелкопряда распутывают, собирают нити-паутинки одну нить, ткнут ткань. Лучше её нет в мире.

– Ну, ладно. Размер, вроде, подходящий. Возьмём.

Торговка сняла платье с верёвки, свернула в рулон, подала бабушке:

– Сносу не будет. Девочка – умница, сразу товар оценила! Хороша! Может, и ей платьице подобрать?

– Да, много у неё платьев. Мать шьёт! Спасибо.

Бабушка положила платье в холщёвую сумку и повела девочку сквозь толпу обратно. По дороге прикупила масла в бутылке, сахара в кусках и баранки на верёвочке.

Ольга уже освоилась и с удовольствием рассматривала незнакомых людей. Ей хотелось со всеми поздороваться, всем улыбнуться, но бабушка быстро тащила её вдоль рядов, стараясь поскорее выйти за ворота, так как очень не любила находиться в толпе среди гама и шума.

За воротами она замедлила шаг:

– Ну всё. Пойдем потише. Устала?

Ольга была тихая и грустная.

– Утомилась наконец, – радостно подумала бабушка.

Вечером мать не узнала дочь: она была невесёлая, задумчивая.

Бабушка с гордостью рассказала, как Ольга помогла ей выбрать на барахолке платье для Лоры, как оно подошло ей по размеру и очень понравилось. Обычно сдержанная и скромная Лора бросилась матери на шею, а Ольгу закружила по комнате, радостно смеясь и хваля её:

– Умница ты наша, Ангелочек светлый!

Но мать заметила что-то неладное.

– Мама, как Ольга себя чувствует? Не заболела?

– Нет, всё хорошо. Устала на барахолке в толчее.

– Может, не надо было её туда водить-то?

– Ну, дела у меня. Лорке вот платье надо было купить. Куда мне Ольгу деть-то? Да, ничего, отдохнёт, поспит, всё пройдёт.

Ольга еле дождалась, пока мать дочитает ей любимую сказку на ночь, свернулась калачиком и отвернулась к стене. Она не смогла бы рассказать матери, что в её сознании произошла странная пугающая подмена. Мир вокруг неё оставался таким, как прежде, а вот её отношение к нему поменялось на противоположное. Теперь он казался ей чужим и враждебным!

На следующий день мать заметила странное поведение дочки, когда они шли по улице в сельпо. Мать вежливо и дружелюбно здоровалась со всеми встречными соседями, а Ольга опускала глаза, сжималась, жалась к матери и старалась побыстрее пройти мимо человека.

– Олечка, надо с соседями здороваться! – напомнила Нина.

– Нет, они чужие! – буркнула девочка.

– Кто чужие? Я их с детства знаю!

– Они не наши!

– Не понимаю! Со всеми надо здороваться!

– Нет! Чужие!

Так мать ничего не смогла объяснить дочери, а с этого момента радостная и беззаботная Ольга «исчезла». Иногда она веселилась, резвилась, но проскальзывала скрытая закрепощённость, как бы смех сквозь слёзы. Мать не знала, что бабушкина «наука» открыла дверь духам недоверия, которые своей тьмой заслонили от неё радостный цветущий мир, отгородили от открытого радостного общения на долгие 30 лет.

Вот это была первая реальная трагедия для Ольги!

Хмурая и злая старуха действовала на Ольгу подавляюще. В её присутствии она переставала прыгать и веселиться, как обычно, тихо играла у своего ящика с игрушками, сидя на лоскутном одеялке на полу, не шумела и не пела. Больше тянулась к Лоре, которая училась в восьмом классе и по утрам уходила в школу. Она пугалась бабкиных окриков и сердитого голоса.

Мать работала бухгалтером в Центральном сбербанке в центре Читы, и пока она добиралась домой на окраину пешком, если не было автобуса, наступал поздний вечер.

Как-то вечером она увидела Ольгу слабой и больной, лежащей неподвижно на кровати.

– Простудилась наверное, – констатировала бабушка. – В русской печке бы попарить.

– Подождите, мама, сейчас посмотрю.

Нина осмотрела дочь.

– Ну, точно, ангина!

Заболевание привязалось к Ольге давно, когда она была пышной розовенькой восьмимесячной пампушкой.

– Ой, какая хорошенькая! – часто говорила соседка, забегая в комнату Нины то за солью, то за заваркой, а то ещё за чем-нибудь. – Можно я её подержу?

Она брала Ольгу на руки, целовала в пухлые щёчки и губки, весело смеялась и сюсюкала с ней.

Через месяц поднялась высокая температура, покраснели и наполнились гноем миндалины, и врач определил ангину. Нина елѐ-еле выходила больную дочку. Она смазывала ей горло ваткой со стрептоцидом. Ольга вертелась, но терпела. Несколько ночей Нина не спала, сидела

у кровати мечущейся в жару дочери. Когда ей стало лучше, она встретила соседку и рассказала, как Ольга тяжело перенесла ангину.

– Ничего страшного, – сказала та, – У меня ангина всю жизнь! Как-то живу!

Мать ничего не ответила ей, только с горечью подумала, что так бездумно отдала ребёнка в руки больной полу-знакомой женщины, которая на всю жизнь искалечила её дочь.

С того времени Нина стала закрывать дверь в комнату на крючок, и больше никогда не давала Ольгу на руки соседям. Сама она стала замкнутой и подозрительной. От весёлой и общительной Нины не осталось почти ничего.

Болезнь тоже сыграла свою роль: Ольга немного похудела и перестала «сиять».

Мать переживала за здоровье дочери, и купая в ванночке, поливая из ковша её худенькое тельце чистой водой, говорила:

– С гуся вода, а с Олечки вся худоба!

В этот раз Ольга выздоравливала тяжелее: высокая температура, озноб, боль при глотании долго не проходили.

– Ангина. Опять! Проклятие какое-то!

Нина заплакала. Ей так было жаль дочку: видно было, как ей плохо.

– Подожди, не плачь. Слезами горю не поможешь. Заговор знаю. Сейчас проведу, болезнь и пройдёт.

Бабушка полезла за икону, достала бутылочку со «святой» водой, налила в гранёный стакан, села и зашептала слова заговора над водой. Потом она достала из коробочка спички. Нина не понимала слов, только слышала их урывками:

– Беду отведи, ... тебе отдам...,
сила твоя..., дитя тебе..., судьба...

Бабка зажгла свечку. Сера быстро вспыхнула, задымила. Она бросила спичку в воду и та... утонула! Бабка зажгла три спички, и все они легли на дно.

Нина очень сильно удивилась, но расспрашивать побоялась.

– Видишь, сильной будет, – сказала бабка, – Сильнее дерева, сильнее воды, как металл! Видишь, спички утонули? Это сила к ней пришла!

Иди, выплесни воду во двор!

Нина взяла стакан, вышла через сени во двор, выплеснула воду на землю. Над домом висела полная луна, огромная, темно-жёлтая.

Как мало они понимали в то время! Никто не смог бы объяснить им тогда, что через бабкино колдовство придёт к Ольге сила тьмы, которая будет управлять ею. По сути, она сама и отдала внучку в руки тёмных сил, дьявола и его бесов.

Маленький и светлый Ангелочек внутри оказался запертым в «тёмной комнатке» её души, «без окон», без возможности помочь или успокоить девочку, так как отныне голос одного тёмного духа она только и будет слышать: духа отвержения. Голосок же её Ангела настолько тих, что услышать его будет невозможно! Сколько же лет предстояло ему там томиться в ожидании освобождения?

Глава 7. Проклятие

Много лет спустя Ольга поняла смысл бабушкиного заклинания: она посвятила её тёмным силам! Бабка просила не Бога, а темные силы помочь исцелить внучку. Исцелить-то они исцелили, но сделали из весёлой беззаботной девочки маленького запуганного злобного зверька.

Душа человека с «замурованным» Ангелом внутри в такого зверька и превращается!

Ольга выздоровела, но с бабушкой стала разговаривать неохотно, боялась её и часто дерзила. Нина слышала, как они часто препирались, спорили по пустякам, но она становилась на сторону матери и ругала Ольгу. Не чувствуя поддержку и любовь матери, девочка стала замыкаться в себе, всё чаще играла одна, не делилась с матерью своими детскими радостями и бедами. Ей было холодно в этом чужом и злобном мире, который её окружал.

Нина была расстроена поведением дочери. Она не понимала, что это действия её матери вызвали такое поведение у ребёнка, притянули зло в жизнь девочки. Неосознанно Нина, вставая на сторону Фёклы Петровны, оставляла дочь наедине с тёмными силами, без поддержки молитвой и защиты от них.

Мало того, участие в обряде и саму Нину привело к проклятию: она тоже попала под его действие и стала пешкой в руках темных духов. Своими словами она ещё больше проклинала дочь, совершенно не осознавая и не понимая этого.

Любознательная и пытливая девочка узнавая мир на вкус и цвет, иногда доставляла неприятности окружающим не своим непослушанием, а своей своевольностью, свободолобием.

Она видела, как каждое утро бабушка шла в курятник, лезла рукой под тёплые куриные крылья и с довольным видом доставала из-под них светлые куриные яйца. Она поднимала край передника, создавая карман, и складывала туда бережно яйца.

Однажды Ольга, желая порадовать бабушку, зашла в курятник и собрала все яйца, которые там увидела. С гордым и довольным видом вышла она из курятника, так же как и бабушка, держа загнутый край передника с большой грудой тёплых яиц.

Из сеней вышла бабушка. Увидев Ольгу, она вдруг так громко и резко завопила, что от испуга та разжала руки и вся кучка яиц ссыпалась на землю, и яйца разбились.

– А-а-а-а! – заорала бабка. – Анчутка проклятая! Все яйца разбила!

Под наседку я положила, цыплят высиживать. – А-а-а-а!

Она подскочила к Ольге и стала остервенело стегать её полотенцем, которое было у неё в руках, по спине, лицу, ногам.

Ольга громко заплакала. Боясь, что услышат соседи, бабка потащила её в дом, закрыла двери и продолжала бить, злобно ругаясь и изрыгая проклятия. Девочка сначала съёживалась от ударов, старалась защититься от них, но в какой-то момент обмякла и повисла на руке бабки. Её головка свесилась на бок, а ножки подкосились.

– Чего ты? А ну, очнись! – закричала бабка.

Тело девочки недвижно висело, как тряпка.

– Ольга, Ольга... Да что же это? Батюшки светы! – заголосила она в испуге.

Бабка подхватила девочку и отнесла на кровать. Ольга еле дышала, личико сделалось бледным, глазки закатились.

– Олечка, Олечка... – засутилась бабка.

Она сбегала в сени за ковшом воды, набрала в рот воды и прыснула девочке в лицо. Ольга зашевелилась, дёрнула ручками, открыла глаза, но увидев перед собой лицо бабки, громко заплакала и забилась в истерике.

– Ну, слава Богу, пришла в себя. Ладно, не плачь. Не буду тебя ругать! Ты что испугалась?

Ольга не могла говорить, заикалась и трясла головой.

– Ну, всё, всё... Что тебе принести? Водички дать?

Хоть и было Ольге 4 года, она поняла: что-то случилось. Она никогда не видела, чтобы суровая и резкая бабушка так перед кем-нибудь лебезила.

Ольга нарочно закатила глазки, свернула голову на бок.

– Всё, всё... глазки-то не закрывай! Сейчас тёпленького молочка принесу. Белка-то много молока сегодня нагуляла.

– Лорка, – крикнула бабка, – иди с Ольгой посиди, плохо ей.

Лора, младшая сестра Нины, видела и слышала этот скандал, но она боялась мать и вмешиваться не решилась. Она, как будущий воспитатель детского сада, знала, что надо было улыбнуться, увидев Ольгу с яйцами в переднике, похвалить, тихо подойти и забрать яйца, а потом уж решать, съесть их или положить обратно под наседку. И яйца были бы целы, и Олечка здорова, и мать спокойна. Дикая её реакция испортила всё, всю жизнь девочки. Но учить мать или перечить ей Лора не могла.

Она села на край кровати. Ей было жаль всхлипывающую и трясущуюся маленькую племянницу, которую она сильно любила. Ещё она боялась, что Нина очень сильно расстроится, когда узнает об этом случае.

Лора стала гладить девочку по головке, по спинке, стараясь успокоить.

– Ну, Олечка, что ты хочешь? – ласково спросила она.

– Шоколадку хочу. Большую!

– Сейчас сбегаяю. Мама придёт, я до сельпо добегу и куплю, только не плачь.

Ольга внутри победно улыбнулась. Она поняла: если взрослых напугать, можно ими руководить как хочешь.

Это второе правила из царства тьмы пришло к девочке неосознанно: лицемерием можно многого добиться. А первое было такое: криком, истерикой, притворством ты можешь выпросить всё!

Бабка подоила козу Белку, процедила молоки и принесла Ольге пол-банки тёплого парного молока:

– Олечка, выпей тёпленького...

Она помогла девочке присесть на кровати и та с удовольствием всё выпила.

– Вот видишь, как хорошо! А теперь поспи. Мать-то вечером придёт...

– Шоколадку хочу! Лора обещала.

– Лорка, быстро в сельпо беги. На деньги-то.

Ольга закатила глаза. Бабка испуганно заголосила:

– Деточка, не умирай, поспи, поспи!

Бабка погладила её по головке, перекрестилась на образа. Затем она подошла к иконе, достала бутылочку со «святой» водой, брызнула на засыпающую девочку водой и начала шептать:

– Своё возьми, моё отдай... У кошки боли, у собаки боли, а у Ольги не боли! ... От Олечки отойди!

Всех слов Ольга не слышала. Она провалилась в какую-то тревожную пустоту. Сквозь сон она слышала чьи-то всхлипывания, но не знала чьи.

Это плакал Ангелочек внутри неё! Ведь били и его, несправедливо, злобно. Хоть и пожалели потом, но не по любви, а из-за страха, что Нина узнает, или ребёнок умрёт.

Но бабка снова призвала на помощь себе тёмные силы. Чёрным безобразным сгустком они присели к девочке на кровать.

– Мы не можем забрать её жизнь, потому что у неё Ангел внутри. Он поддерживает её жизнь, – советовались они между собой.

– Тогда я буду всегда сидеть на её плече и шептать в ухо, что делать, направлять. Одной рукой буду глаза ей закрывать, чтобы правду не видела, – сказал маленький, худой чёртик анчутка.

– А с этим Ангелом что будем делать?

– А-а, заперт он внутри неё, в «тесной комнатке без окон и дверей.» А волшебные слова, которую «комнатку» ту откроют и Ангела выпустят, она узнает только в 36 лет. Я же это вижу и знаю. Колдовство родного человека большую силу имеет, но и есть сила большая его разрушить.

Глава 8. Новое имя

Мать сразу заметила, что то-то нехорошее произошло дома. В шесть часов вечера её дочка спала! Она выглядела слабой и вялой.

– Мама, что случилось?

– Да, ничего... спать захотела пораньше, – ответила бабушка.

Нина подошла к дочке, потрогала голову. Она пылала.

– У неё температура!

От прикосновения матери Ольга открыла глаза и заплакала. Она начала рыдать и метаться в кроватке.

– Что с тобой, Олечка?

Девочка захлёбывалась в рыданиях, хотела что-то сказать, но не могла вымолвить ни слова, только заикалась.

Нина взяла её на руки, прижала к груди, стала качать.

– Тряпку на голову мокрую положи, – сказала бабка. – Что-то она сегодня капризная. Наверное, простудилась, ангина началась.

Всю ночь металась и плакала Ольга в бреду. Отец с матерью по очереди носили её по комнате, укачивали, но она стонала и во сне, засыпая на несколько минут, а потом вскрикивала и снова плакала.

За ширмой всю ночь кряхтела и ворочалась бабка, иногда вскакивала и шла в сени попить водички.

Утром температура у девочки повысилась, и отец привёл докторшу.

Она осмотрела девочку, проверила миндалины и подтвердила:

– Ангина. Давайте мёд, молоко, клюкву. Миндалины смазывайте. Ребёнок сильно напряжён, напуган. Видно, что заболевание открылось на фоне большого потрясения или страшного события. Что-то произошло?

Мать и отец пожали плечами, бабка и Лора опустили глаза в пол.

– Травку дайте ей успокоительную. Не волнуйте ребёнка. В спокойной обстановке она быстро восстановится.

После ухода докторши мать и отец переглянулись:

– Какое потрясение она перенесла? Что такое страшное случилось?

Бабка хмуро молчала за печкой. Она приказала Лоре молчать и ничего не рассказывать Нине. Лора молчала.

В выходные дни родители просидели рядом с дочкой, пока жар не спал.

Ольга не ела сутки, осунулась и побледнела.

Через два дня ей стало лучше. Отец ушёл на работу. Растерянная мать не знала, как ей оставить больную дочь.

– Лорочка, прошу тебя, за Ольгой посмотри! Она слабая стала, плохо ест. Ножки у неё ослабли: вдруг пойдёт и упадёт. Ты уж не выпускай её из вида.

Лора могла посмотреть за племянницей только после школы, поэтому Нина обратилась к матери:

– Мама, за Олечкой посмотрите! Пусть на кроватке играет, пока слаба, а если проснётся, покормите её.

– Ладно, – буркнула мать, – посмотрю за твоей анчуткой.

Анчуткой? Это слово не выходило из головы Нины на работе. Она механически крутила ручку счётной машинки, составляя таблицы расчёта зарплаты служащим, а в мыслях было одно слово «анчутка».

Она знала, что это – чёрт. Так по-сибирски его называют старожилы.

– Нет, Олечка – Ангел! – говорила она сама себе, – Ангелочек светлый! Так все говорят, потому что видят, какая она красивая, милая, ясная!

Но тревога не покидала её. Что случилось с дочкой? Может, она упала... С крыши, а мать не говорит?

День прошёл в тревоге и размышлениях о страшных случаях, которые могли случиться с любимым дитём.

Ольга проснулась часов в 10 утра. Это было не так, как всегда. Обычно она вскакивала в 7 утра и громко объявляла:

– А Оля встала.

Бабушка уже давно возилась у печки, а отец и мать, открыв глаза с улыбкой отвечали:

– Доброе утро, Олечка.

– Оля хочет кушать! – говорила девочка.

Пока все одевались и умывались у раковины, Ольга бегала по комнате у всех под ногами, весело щебетала. Никто не останавливал её и не прогонял, так как её смех поднимал всем настроение.

– А Оля хочет кушать, – напоминала она опять.

Бабушка ставила ей на стол тарелку с распаренной в печке пшёнкой. Крупины были пышные, воздушные, отделялись одна от другой, сыпались как песочек. Ольга уминала с удовольствием кашку, запивая парным молочком.

Мать обязательно тёрла на тёрке каждый день несколько морковок и давала дочке апельсиновый сладкий сок, от чего её щёчки становились румяными и пышущими здоровьем.

Пока родители собирались на работу, девочка старалась оттянуть миг расставания, жала к ногам, заглядывала им в глаза. Они с любовью поглядывали на «светлое облачко», весело проносящееся под ногами.

– А Оля хочет книжку. Почитай, мама!

– Олечка, на работу бегу! Бабушка почитает... Только ей некогда: надо коз доить, на пастбище выгнать, кур кормить, хлеб печь. Будешь бабушке помогать?

– Буду.

– Вот умница!

Мать уходила на работу с мыслью, что так и будет, но бабушка не любила, когда внучка крутилась под ногами и всегда что-то спрашивала.

Её «почему» лились нескончаемым потоком. Она гнала её подальше от себя:

– Да отстань ты, анчутка! Иди вон в песочек поиграй. Баночки там красивые лежат.

Ольга шла к куче песка у забора. Отец специально привёз много песка на тачке с обрыва. Почва была песчаная, так что песка вокруг было много, а дети любили играть им.

Солнышко хорошо освещало большой двор, и Ольга долго возилась с песком, строя заборчики и дороги. Возле забора росло большое раскидистое дерево. Бабушка называла его «ранетки». Маленькие красные яблочки, твёрдые и терпкие на вкус спасали от цинги и авита-

миноза даже в войну. Бабушка варила из них варенье, и зимой её дети и внуки съедали всё подчистую.

С другой стороны дома росла огромная черёмуха. Она уже была выше крыши. Весной вокруг стояло облако аромата. Этот аромат остался любимым запахом девочки на всю жизнь. Белые лепесточки покрывали землю нежным ковром, а в середине лета все срывали изящные кисти черёмухи и наедались досыта. Руки и рты были у всех чёрные, но это только всех веселило.

Ольга собирала опавшие ранетки, вытирала их о фартук, пыталась откусить. Проходящая мимо бабушка заметила:

– Ты с землёй-то не ешь! Вон ковшик с водой возьми, брось туда ягодки, а потом и ешь! Она бежала дальше, потому что у неё не было и минутки постоять рядом с внучкой.

Так было раньше, а сегодня Ольга еле открыла глаза. Слабенькое тельце не хотело шевелиться.

Она долго лежала тихо, прислушиваясь к стукам и шарканью бабушки за печкой, и молчала. Ей не хотелось её звать, точнее, она боялась даже увидеть её.

– А-а, проснулась? – сказала заглянувшая в комнату бабушка. – Вот, сядь на кровати, попей молочка с хлебушком. Тёплый хлеб-то. Сейчас только из печи! Горбушку хочешь?

Ласковость в голосе понравилась Ольге. Значит, бабушка сегодня будет добрая и ругать не будет.

Слабость не позволила девочке быстро сесть: она застонала и закатила глазки.

– Ну что ты? Что? Да ты лежи, я тебе всё принесу. Что ты хочешь?

– Персики.

Девочка вспомнила, что один раз отец покупал персики в консервной банке, и у них был такой удивительный нежный вкус!

– Персики? Да где ж я тебе такой заморский фрукт возьму? Чай, в Сибири персики не растут! Вот, анчутка, что удумала. Может ранеточек нарвать?

– Персики, – твёрдо ответила Ольга и запрокинула голову и застонала.

– Ну, ладно. Может в сельпо есть. Лорка придёт, тогда сбегает.

– Сейчас хочу!

– Ах ты, батюшки светы! Свалилась ты на мою голову, покоя от тебя нет!

Магазин сельпо был на этой же улице, через три дома. Бабушка накинула жакетку и поспешила к магазину. Как ни странно, персики там нашлись. Они стоили дорого, но бабушка денег не пожалела и купила.

Она открыла банку консервным ножом и протянула Ольге. Банка была с красочной картинкой, поэтому бабка не переложила ей персики в тарелку: пусть, мол, любитесь! Ольга ела персики, капая сладким соком на полотенце, положенное бабушкой на одеяло. Проскользнула радостная мысль:

– Победила!

Кто это сказал? Ангел? Нет, анчутка, который был рядом. Ольга слышала его и радовалась. Ангелочек же был грустный: тяжёл путь во тьме с духами тьмы. Он пытался крикнуть девочке, что самое лучшее в мире – это послушание. От него и благо и награды, а бунт и не смирение наказуемы. Но Ольга отныне была глуха к его словам.

После обеда пришла Лора и принесла ей новую куколку. Потом она перечитала Ольге все её любимые книжки. Девочке стало лучше, она повеселела.

Когда мать пришла вечером с работы, она увидела на стуле возле кровати полу-пустую банку от персиков.

– Мама, что это она съела?

У неё же сыть от сладкого выступит!

– Ну, попросил ребёнок, я и купила! – отговаривалась бабушка.

– Нельзя так много. Один бы персик дали! Вот смотрите, ручки красные, щёчки покраснели!

– Да это выздоравливает она. Лучше ей. Завтра, может, скакать начнёт!

Глава 9. В картошке

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.